

*Спасибо моему старому другу
и агенту Колину Смайту,
потратившему немало сил и времени
на изучение множества пыльных газет
в поиске оставленных мною следов.*

*Удивительно, но ему это
действительно нравится...*

ПРЕДИСЛОВИЕ А. С. БАЙЕТТ

Помню, как я впервые купила книгу Пратчетта (роман «К оружию! К оружию!») в книжном магазине на Слоун-сквер. Тогда мне отчаянно хотелось хотя бы психологически очутиться где-нибудь в другом месте, и яркая стопка романов о Плоском мире показалась мне подходящим для этого средством. Я принялась их листать. Не могу сказать, что обложки Джоша Кирби с его буйными драконами и розовыми пышногрудыми мультяшными женщинами были в моем вкусе. Но в конце концов меня покорило слово «Анк-Морпорк». Такое выдумать мог только настоящий писатель. К тому же в моем детстве существовал другой Плоский мир — в сборнике скандинавских саг была иллюстрация индийского мифа, повествующего о том, что земля балансирует на четырех слонах, стоящих на гигантской черепахе, обвитой змеей.

Притащив книгу домой, я проглотила ее залпом, и все — меня затянуло в этот мир с головой. Следом я купила оставшиеся книги и прочитала их по порядку. С тех пор каждое лето, обдумывая уже собственные книги, я перечитываю эти произведения заново. И каждый раз вдруг на-

хожу новую шутку, которую не поняла с первого раза. К тому же этим романам присуща совершенно необычайная сила повествования великого рассказчика. Позже я стала ценить и искусство Джоша Кирби. Его творениям свойственна разудалая энергия и замысловатость — как дерзкая, так и изощренная, — которая идеально подходит для иллюстрации этих историй.

Терри Пратчетт говорил, что его читатели — это люди, профессионально работающие с компьютерами. Но его романами не меньше увлекаются и мои друзья из литературного мира (однажды в книжном магазине, где я проводила встречу с читателями, мне пришлось очень вежливо выкручивать свежую книгу — кажется, это был роман «Вор времени» — из рук моего многоопытного и блестяще эрудированного редактора). А на прошлой неделе у меня состоялась интересная беседа с одним высоколобым философом о воображаемых мирах вообще и о Плоском мире в частности. А еще есть люди, которые в принципе не читают ничего, кроме Пратчетта. Например, мальчишки двенадцати лет, ненавидящие книги. Поэтому я надеюсь, что Пратчетта никогда не станут преподавать в школе — не случайно биография на обороте первых книг Пратчетта утверждала, что «некоторые люди считают это литературой». Безусловно, это литература, но такая, которой лучше всего наслаждаться в уединении и покое.

Дж. Р. Р. Толкин придумал термин «вторичный мир» для обозначения вымышленных фантастических миров с собственной географией, животными, историей и народами. Человечество всегда

нуждалось в иных реальностях, где существовали бы воображаемые вещи и жили другие, отличающиеся от нас люди. Все это богато представлено в многочисленных произведениях — от сказок и мифов народов мира до городских легенд.

Создатель вторичных миров должен обладать неисчерпаемой изобретательностью — как в широком масштабе, так и в мельчайших деталях. Мир Пратчетта оттого и прекрасен, что его питает чистая энергия великого рассказчика: он показывает нам все, что мы хотим узнать о драконе, стражнике, сюжете или месте действия. Он рассказывает нам намного больше того, что мы могли ожидать, и это действительно производит впечатление.

От книги к книге Пратчетт становится лучше, а его мир — еще затейливее. Он сильнее привязывается к своим персонажам, которые становятся все более и более сложными: просто вдумайтесь, какой извилистый жизненный путь проходит капитан Ваймс — от горького пьяницы, возглавляющего деморализованную Ночную Стражу, до командора, способного арестовать одновременно две армии за нарушение мирного договора. Пратчетту становится все труднее испытывать неприязнь к придуманным им образам. Он может изобрести причудливые второстепенные формы жизни: например, принадлежащего Ваймсу бесенка из «Груши» (он же персональный бесорганайзер), чье существование искупается его способностью вести офисную канцелярию; или бухгалтера по имени Э.И. Пессимал, посланного проинспектировать Стражу и в конце концов ставшего героем. (Википедия постоянно объясня-

ет мне Пратчетта. Вот я, например, не знала, что слово «пессимальный» означает «плохой в максимально возможной степени» или «не обладающий достаточным качеством или ценностью».) Но под его пером может рождаться и настоящее зло: взять хотя бы господина Кнопа, негодяя из романа «Правда», или главного квизитора Ворбиса из «Мелких богов» — обоим свойственны беспощадная целеустремленность, настоящая жестокость и ограниченный взгляд на жизнь, изменить который не дано никому.

Как говорил Толкин, вторичные миры должны быть гармоничными. Всегда существует риск, что создатель ударится в романтику или захочет оказать воздействие на читателя — дидактическое или сентиментальное. Я перечитывала Толкина ради пейзажей и постоянного ощущения опасности и всегда испытывала проблемы с произведениями об обычных детях, оказавшихся во вторичных мирах. Дж. К. Роулинг блестяще проработала магию в своем произведении, но ее мир берет начало в школе-интернате, в которую мне совсем не хочется возвращаться. Мне никогда не нравился К. С. Льюис, поскольку я чувствовала, что он пытается морально манипулировать как мной, так и персонажами. Филип Пулман пишет красиво и драматично, но он постоянно полемизирует с Льюисом, отчего рискует сорваться в ту же дидактичность и родительский контроль. Пратчетт же, несмотря на подчеркнутую буффонаду и совершенно кошмарные или, наоборот, чрезмерно сложные для понимания шутки, каким-то образом демонстрирует взрослую мудрость. Как читательница я ему доверяю.

Как-то раз один телевизионный интервьюер спросил меня: «Разве все это не про нас самих?», и я с негодованием ответила: «Нет!», потому что мне важно, чтобы мой вторичный мир был другим — отдельным от меня, но при этом гармоничным. Но следует все же признать: Пратчетт пишет о нас. Он одинаково хорошо разбирается как в полицейских, бизнесменах, мошенниках, убийцах, банках, акциях и музыке, так и в гоблинах, ведьмах, драконах, троллях и гномах. Ну и, конечно же, в компьютерах. Но то, что он пишет, нельзя назвать ни сатирой, ни аллегорией. Все, что он помещает в свой мир, потом *живет* в этом мире — по своим собственным энергетическим и логическим законам.

Многие рассказы, собранные под обложкой книги «Мерцание экрана», описывают вторжения из вторичных миров в наш. Писатель-фантаст убивает героя-варвара, а потом встречает его на пороге дома, когда тот приходит познакомиться со своим создателем. Смерть пляшет на дискотеке. Первый рассказ, «Предприятие Аида», был написан Пратчеттом в тринадцать лет. Речь в нем идет о вторжении дьявола в квартиру рекламщика. Пратчетт извиняется за свой первый опыт, но нельзя не увидеть в нем очень бодрый темп и неплохую концовку. Впрочем, всем его рассказам свойственны крепкие концовки. Особенно мне нравится тот, который основан на реальном инциденте 1973 года, когда из перевернувшегося в Голливуде грузовика выпало несколько ящиков с цыплятами, и они поселились в кустарнике. А еще мне симпатична странная история, в кото-

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

рой отчаявшиеся путешественники оказываются заперты в мире викторианских рождественских открыток — с сугробами, покрытыми «серебристыми блестками», чудовищными дроздами и «жуткой прямоугольной щелью». Есть рассказы и о компьютерах, в том числе один, написанный в 1990 году. Повествование в нем ведется от лица дружелюбного ремонтника — не очень умного, но неплохо разбирающегося в технике. Он работает с машинами, внутри которых люди создают собственные реальности (рассказ опять же с отличной концовкой!).

Вторую часть книги составляют несколько рассказов о Плоском мире — в том числе длинная и очень сильная история о матушке Ветровоск, а также забавная версия национального гимна Анк-Морпорка.

А еще есть грустное стихотворение о том, что

Твои мама и папа не станут учить
Сути смерти, но будут питомцев дарить.

Пратчетт комментирует его: «Я старался сочинять так, будто мне тринадцать лет — с тем самым чувством искреннего серьезного дилетантства. Возможно, это не так уж и отличается от того, что писалось мною в лучшие годы...»

Мне кажется, я знаю, что он имеет в виду. То, что понял его учитель, когда Пратчетту было тринадцать лет, готовы с радостью признать и мы — тринадцатилетние дети, ботаники и гики, читающие писатели и университетские преподаватели: Пратчетт действительно прирожденный писатель и неподражаемый создатель своего собственного мира.

**Короткие произведения
не о Плоском мире**

ПРЕДПРИЯТИЕ АИДА

Журнал Science Fantasy
(под редакцией Джона Карнелла),
№ 60, вып. 20, август 1963 г.

Более ранняя версия рассказа опубликована
в журнале Technical Sygnet —
издании Хай-Уикомской
средней общеобразовательной школы
с техническим уклоном.

Аааа!.. мне хочется зажать уши руками и громко петь «лалалала», чтобы не слышать, как ты читаешь эту историю.

Она такая детская! Заметь, мне было тогда тринадцать лет. Это первая написанная мною вещь, которую опубликовали. Собственно, это первая вещь, которую я писал с ощущением, что сочиняю настоящую историю.

Все началось с домашнего задания. Учитель английского поставил мне за рассказ высшую оценку и опубликовал его в школьном журнальчике. Одноклассникам он понравился. В их глазах я превратился в настоящего писателя.

И это стало очень важной вехой, поскольку до того дня я ничем толком не интересовался. Да,